

Козляков В. Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории. В. Е. Козляков // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 221-232

В. Е. Козляков

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Процессы, происходившие на постсоветском пространстве в последние 15—20 лет, не могли не сказаться на состоянии и развитии исторической науки в Беларуси. С одной стороны, демократизация общества в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., существенное расширение источниковедческой документальной базы, в том числе архивной, провозглашение свободы творчества, овладение новыми методами исследования дали возможность активизировать научную деятельность историков, заняться изучением «белых пятен», более объективно и всесторонне осмыслить сложные политические, социально-экономические и духовные процессы прошлого. С другой — обретение независимости Беларуси, жгучее желание поскорее вписаться в так называемый «западный вектор» породили стремление отдельных историков угодить новой конъюнктуре. Другими словами, отыскать наукообразные доводы в пользу борьбы белорусского народа за свою независимость от России, доказать историческую приверженность белорусов именно западным ценностям, убедить широкую общественность в том, что, дескать, все беды на белорусские земли приходили с востока.

Указанные тенденции в историографии Беларуси были верно отмечены в работах Н. С. Сташкевича [1, с. 6—35] и П. Т. Петрикова [2]. Если работа Н. С. Сташкевича представляет собой расширенный доклад на научной конференции, рамки которого не позволяли дать подробную оценку многим трудам, изданным за последние 15—20 лет, то работа П. Т. Петрикова является, по сути, первым монографическим исследованием, в котором предпринята попытка проанализировать на конкретных примерах основные тенденции в исторической науке, обозначившиеся в указанный период. Автор дал свою, порой небесспорную, оценку многим исследованиям по белорусской истории, постарался выявить их сильные и слабые стороны. Однако он, на наш взгляд, неоправданно разделил историков на два противоположных лагеря, огульно зачисляя в ряды исследователей — приверженцев так называемого «нового подхода» — разных по своим взглядам исследователей: И. М. Игнатенко, Р. П. Платонова, В. Н. Сидорцова, М. П. Костюка, М. О. Бича, З. С. Позняка, С. В. Тарасова. Основной упрек автора, и не только указанным ученым, состоит в том, что у них, дескать, «появились соображения о необходимости формирования методологии истории Беларуси на общечеловеческих ценностях, правах человека, общеевропейского дома, национально-государственном и цивилизационном, модернистском, постмодернистском, деидеологизированном и других основаниях» [2, с. 7—8]. С подобными «обвинениями» трудно согласиться, тем более что некоторые оценки, сделанные П. Т. Петриковым, недалеко ушли от старого навешивания неоправданных ярлыков.

Козляков Владимир Егорович — профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, доктор исторических наук

Совершенно очевидно, что историография Беларуси постсоветского периода нуждается в дальнейшем осмыслении. Попытаемся высказать свою точку зрения на ряд имеющихся дискуссионных проблем, выявившихся в белорусской историографии, сосредоточив внимание на сюжетах и темах, получивших серьезный резонанс в обществе, и некоторых аспектах их освещения в основном в обобщающих работах, учебниках и монографиях, которые дают устойчивое представление об основных тенденциях, обозначившихся в белорусской историографии на рубеже XX—XXI вв.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в исторической науке Беларуси выявились, по определению Н. С. Сташкевича [1, с. 12—13], как минимум три направления. К **первому направлению** следует отнести как раз тех историков, которые склонялись к негативно-нигилистической платформе по отношению к советскому прошлому и требовали полного демонтажа советской исторической науки, не находя в ней ничего достойного для сохранения. Представители этого направления стали проводить так называемую «национал-патриотическую» линию, отрицая историческую общность белорусского народа с русским и украинским народами, усиливая белорусский «этноцентризм» и подавая этнонациональный фактор в качестве основного критерия патриотических знаний. Приверженцы этого направления попытались рассматривать исторические процессы в Беларуси изолированно от процессов, происходивших в государствах, в состав которых в разное время входили белорусские земли.

Подобные взгляды и подходы сказались в ряде учебных пособий по истории Беларуси, изданных в 1991—1995 гг. В них явно преобладали сюжеты, отражавшие некий национальный «флер» вокруг отечественной истории, что проявилось в «Проекте новой концепции исторического образования в Беларуси». В 1993 г. основные положения этого документа изложил М. О. Бич [3]. В учебных изданиях первой половины 1990-х гг., как и в исторических исследованиях той поры, Россия зачастую выступала в роли агрессивного, эгоистичного соседа, постоянно навязывавшего свой строй и свой образ жизни. Справедливости ради следует отметить, что подобные оценки были неким отражением тогдашнего состояния российской историографии, в которой вызревал своеобразный «комплекс вины» России за свое «имперское прошлое», а также ретроспекцией некоторых положений староэмигрантской литературы.

Второе направление было представлено историками старшего поколения, занимавшими консервативно-догматические позиции. Они были не прочь осуществить «косметическую поправку» старых канонов, но выступили против изменения устаревших идеологических принципов. Историки этого направления не стремились понять и осмыслить изменения, которые произошли в обществе, по-прежнему ратовали за классовый подход в оценке любых исторических явлений, что также не способствовало объективному пониманию истории. Подобные позиции нашли воплощение в деятельности общественного объединения «Исторические знания» (создано весной 1996 г.), члены которого объявили себя «защитниками и сторонниками советской государственности» и выступили с претензией стать неким «экспертным органом» («истиной в последней инстанции») по отечественной и всеобщей истории. В программном обращении, опубликованном в прессе, эта группа историков во главе с А. И. Залесским заявила, что будет вести «борьбу против фальсификаций событий минувшего, используя мировое понимание революции и контрреволюции» [4].

Значительную часть историков можно условно отнести к **третьему направлению** в белорусской историографии, для которого стал характерным творческий, созидательный подход: не перечеркивая достижений прошлого, объективно и всесторонне, на основе широкой источниковедческой базы, используя все современные методы исследований осмыслить многие сложные процессы, происходившие в истории, дать по возможности беспристрастную оценку событиям и фактам минувшего. Как правило, это направление в начале 1990-х гг. представляли преподаватели вузов, не занимавшие в тот период доминирующего положения в исторической науке.

Оговоримся, что приведенная классификация весьма условна и вряд ли следует кого-либо персонально из историков разводить по противоборствующим лагерям. Сказанное выше отнюдь не означает, что «истина в последней инстанции» оказалась в руках историков третьего направления. Однако именно попытки и стремление найти подходы, позволяющие представить и реконструировать реальные исторические картины, стали определяющими в развитии исторической науки.

Важный вклад в дальнейшее развитие исторической науки, консолидацию научных сил и научно-образовательных учреждений внесла Государственная комиссия по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по социально-гуманитарному циклу, созданная в августе 1995 г. Начиная с 1997 г. стали выходить учебники и учебные пособия нового поколения, авторы которых стремились избегать радикализации исторического прошлого Беларуси [5]. Столь же взвешенная позиция характерна и в представлении всеобщей истории и конкретно истории России [6]. Так, во «Всеобщей истории России с древнейших времен до конца XVIII века», являющейся, по сути, своеобразным учебным пособием, история России прослеживается в интересных подробностях: от Киевской Руси, включая события вокруг Московской Руси, к процессам, обусловившим формирование единой России в неразделимой связи истории славянских народов — русских, белорусов и украинцев. Важный вклад в понимание исторических процессов внесли обобщающие труды по истории Беларуси, в том числе энциклопедического характера, подготовленные учеными Института истории НАН Беларуси, преподавателями ведущих вузов республики [7].

Выход новых учебников и обобщающих трудов, безусловно, способствовал повышению уровня исторического образования, улучшению патриотического воспитания молодежи, но не снял дискуссионность и разброс мнений в оценке многих исторических явлений, в том числе при исследовании древней истории белорусских земель. Например, в ходе различных дискуссий было доказано, что этногенез белорусов имеет более сложную историю, чем представлялось ранее. С. Е. Рассадин сделал интересный вывод о том, что существенное влияние на формирование белорусского этноса, основу которого, несомненно, составляла славянская общность, оказали не только балты, но и германские готы [8]. Автор правомерно поставил вопрос о причинах и механизме выделения славян из состава балтославянской общности, обратил внимание на ту часть «единого древнебалтийского массива», из которой потом «развилось славянство» [9, с. 232]. Разумеется, подобные гипотезы нуждаются в дальнейших уточнениях.

Определенная же часть историков не избежала соблазна «удревнить» белорусскую государственность, например, усматривая ее реальное существование уже в Полоцком княжестве и, тем самым, делая вывод о существовании «белорусской народности» (этноса) уже в IX в. Такая точка зрения была высказана Н. И. Ермоловичем [10, с. 45—46], позже нашла отражение в работах А. К. Кравцевича, проявилась на страницах первого тома научного многотомного издания «Гісторыя Беларусі» [11].

Безусловно, в этногенезе белорусов нельзя игнорировать роль балтского субстрата, но нельзя отрицать и то, что в «лоскутной империи Рюриковичей» была закреплена общность языка и культуры всей Руси, были созданы необходимые условия для всех славянских народов, в том числе кривичей, радимичей, дреговичей — наших далеких предков. Вероятно, не последнюю роль сыграли и славянские корни этой уже политической общности, что убедительно доказывает М. Ф. Пилипенко [12]. В «Повести временных лет» сказано: «А словеньски язык и русский одно есть» [13, с. 28]. И он сохранял свою значимость для восточного славянства, в том числе и для этнической самоидентификации на протяжении многих веков, несмотря на другие языковые и иные воздействия. Не случайно Ф. Скорина с гордостью говорил в XVI в.: «Я руски з горада

Полацка». А титульный лист изданной им Библии гласил: «Библия Руска выложена доктором Франциском Скориной из славного града Полоцка» [14, с. 7].

В середине XIII в. северо-западные земли Руси вошли в состав государства, вскоре получившего название «Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское» (современное устоявшееся сокращение — ВКЛ). Само название иллюстрирует сложный процесс его становления и этнического наполнения. При политическом господстве литовской элиты (чему во многом способствовало принятие католицизма) административное «построение» государства (своеобразная средневековая «вертикаль» власти с элементами федерализма), его социально-экономическое и культурное развитие определялись восточнославянскими землями. Однако данный факт не позволяет определять ВКЛ как сугубо «белорусскую державу», в чем упорствовал Н. И. Ермолович. По его мнению, ВКЛ следует рассматривать как древнее белорусское государство и, дескать, нет оснований даже считать его «белорусско-литовской» или «литовско-белорусской державой» [15]. В очерченных же исследователем территориях, как было показано В. Л. Носевичем, нет не только балтских, но и практически никаких археологических памятников, которые датировались бы XIII в. [16, с. 20]. В целом — нельзя игнорировать как славянский, точнее говоря «белорусский», так и «литовский» факторы в создании ВКЛ. В процессе государственного строительства участвовали и литовские, и западнорусские князья, причем формирование государственной территории шло разными путями: договорными и насильственными. Есть все основания полагать, что ВКЛ было полиэтническим государством, своеобразной федерацией Средневековья [17].

Уместно затронуть еще один сюжет, ставший предметом острейших дискуссий в белорусской историографии за последние 15 лет — войны ВКЛ, затем Речи Посполитой с Московским государством. В ходе споров «копья ломались» вокруг битвы 1514 г. под Оршей, победу в которой предлагалось объявить «Днем белорусской славы», войны России с Речью Посполитой 1654—1667 гг., во время которой белорусские земли понесли большой урон, и др. [18]. Правда, одновременно замалчивались факты, связанные, например, с агрессией великого князя Ольгерда против Москвы и провозглашение им стратегической цели: «Вся Русь должна принадлежать Литве». Как и грабеж Пскова, который учинил князь Витовт, его планы (совместно с ханом Тахтомышем) захвата Москвы, о чем в летописи сказано: «Витовт рече: я тебя (Тахтомышя) посажу на Орде и на Сарай, и на Болгарех, и на Азтархан, и на Озове, и на Зяйтцькой Орде, а ты мене посади на Московском великом княжении... и на Новгороде Великом, и на Пскове» [19, с. 425]. Как не вспомнить авантюры польско-литовских политических кругов против России в период Смуты начала XVII в. Так что взаимных обвинений можно привести немало. Но совершенно очевидно, что прошлые феодальные распри и усобицы не должны быть объектом для их гипертрофированного представления в исследованиях да еще со смещением определенных политических акцентов.

В современной белорусской историографии в целом дана объективная оценка Люблинской унии 1569 г., объединившей ВКЛ и Польшу в единое государство — Речь Посполитую. Многие исследователи (Г. Я. Голенченко, В. И. Мелешко, М. Ф. Спиридонов и др.) считают, что вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой имело важное значение для самоидентификации белорусов как самобытного этноса и развития национально-освободительной борьбы против насильственной колонизации в условиях низведения княжества до положения «крэсаў усходніх», государства только «польской шляхетской нации» [20].

Включение же белорусских земель в состав Российской империи имело как положительные, так и отрицательные последствия. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская анархия, прекратились кровавые разборки

между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ. Включение белорусских земель в состав России стимулировало развитие зарождавшейся промышленности, их втягивание во всероссийский рынок, что способствовало хозяйственной специализации Беларуси. Конечно, нельзя не видеть и отрицательных последствий разделов: белорусские крестьяне оставались в крепостной зависимости более 80 лет, польского чиновника-бюрократа сменил рус-

ский с его не меньшими амбициями и притязаниями на роль вершителя человеческих судеб и др. Восстание 1830—1831 гг., намерение польской шляхты восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г. вызвало ответные, зачастую неадекватные меры российских властей. Поднялась волна «русификации» или, точнее говоря, заметного усиления воздействия русской самодержавной идеологии на население Беларуси, что обусловило активизацию демократической оппозиции, имевшей явно пропольский характер. Это достаточно убедительно показано в монографии В. В. Шведа [21].

Наибольшее внимание исследователей в последние годы стала привлекать проблема формирования белорусского этноса. Большинство историков и этнологов пришли к выводу, что в условиях феодальной раздробленности Руси выявились определенные предпосылки формирования белорусской народности, а непосредственный процесс ее консолидации начался после включения белорусских земель в состав ВКЛ. По комплексу этноопределяющих черт можно обоснованно утверждать о реальном существовании в XVI в. единого белорусского этноса (народности). Полонизация и русификация белорусских земель не смогли остановить процесс формирования и развития белорусского этноса. Его целостность олицетворяли основные социальные пласты (крестьянство, часть мещанства, мелкая шляхта, определенные круги духовенства), которые сохраняли этническую самоидентификацию, народную духовную и материальную культуру, родной язык. Так, в этой связи оригинальные обобщения и выводы сделаны в работах могилевских историков: осознание общерусского единства, опиравшегося прежде всего на единство конфессиональное, сочеталось с пониманием местной самобытности; при этом белорусский этнос мог выжить и существовать только на православной матрице, когда в XII—XVII вв. население и белорусских, и украинских земель рассматривало историческое наследие Киевской Руси как «свое» [22].

Несомненным достижением белорусской историографии за последние 15 лет стала разработка истории конфессий на территории Беларуси. Изучение же государственной конфессиональной политики в разные периоды дало возможность более объективно и всесторонне осмыслить ход исторического процесса в Беларуси, определить в нем роль церкви. Важнейшие аспекты конфессиональной истории рассмотрены в работах В. И. Новицкого, В. В. Яновской, Т. Б. Блиновой, Е. Н. Филатовой [23]. Предприняты попытки отойти от известных стереотипов в оценках униатской церкви, ранее представлявшейся лишь как «орудие экспансии католицизма в Беларуси». Исследователи стали больше уделять внимания выяснению роли униатства в развитии просвещения, образования и культуры [24, с. 110]. Вместе с тем вряд ли следует идеализировать деятельность униатской церкви, представлять ее некой «национальной религией» белорусов, тем более трактовать ее в качестве «способа вхождения белорусов в семью европейских народов», на чем настаивает С. В. Морозова [25].

Еще одна проблема, нуждавшаяся в преодолении сложившихся стереотипов, относилась к истории развития культуры Беларуси. Первой наиболее значительной в белорусской историографии работой в этой области стала монография Л. М. Лыча и В. И. Новицкого [26]. Авторы выявили основные тенденции развития культуры в разные исторические периоды, а также политические условия, влиявшие (как позитивно, так и

негативно) на их формирование и проявление. Однако монография лишь наметила главные направления в дальнейших исследованиях всего многообразия вопросов. Правда, 3-е ее издание не может не вызвать удивления появлением в структуре исследования нового раздела: «Акупацыя (фашистская. — К. Е.) не спыніла культурны працэс». В страшные годы оккупации Беларуси авторы сумели найти позитивные проявления в действиях «нямецкіх цывільных чыноўнікаў», как и «Генеральнага камісара Беларусі» [27, с. 357, 375]. Вряд ли расставлением подобных «новых» акцентов можно найти путь к ликвидации «белых пятен» белорусской истории.

За последние 15—20 лет не ослабел интерес исследователей к истории политических партий, Октябрьской революции и Гражданской войне, становлению белорусской государ-

ственности. Весомый вклад в разработку указанных проблем внес Н. С. Сташкевич, в работах которого основательно и детально раскрыта идейная эволюция белорусских партий с момента их возникновения и до ухода с политической арены, деятельность общероссийских партий в Беларуси, их степень влияния в разные исторические периоды среди населения [28]. Особое внимание историки уделили деятельности отдельно взятых общероссийских партий в Беларуси, их местных организаций, отношению к решению национальных проблем, тактике в трех революциях и Гражданской войне. Эти сюжеты нашли отражение в работах П. И. Бригадина, Н. М. Забавского, В. Е. Козлякова, М. М. Смольянинова [29]. Накопленный историками материал дал возможность подготовить обобщающие труды, комплексно раскрывающие роль и место политических партий в расстановке политических сил в разные исторические периоды, проследить процессы формирования, развития и крушения однопартийной системы в Беларуси и СССР [30].

Все подобные темы стали предметом острейших дискуссий, не прекращающихся и по сей день. При этом наблюдается тенденция противопоставить «демократический» «Февраль» «тоталитарному» «Октябрю». В последнее время ряд исследователей предпринимает попытки доказать, что после победы Февральской революции в России не было двоевластия, мотивируя это тем, что, дескать, «ни один Совет, начиная с Петроградского, власти в руки не брал» [31, с. 85]. Естественно, двоевластие отнюдь не предполагает полновластия. Но упомянутый термин использовали не только большевики, но и представители других партий, в том числе либерального толка. Так, анализируя итоги апрельского кризиса 1917 г., тогдашний посол Великобритании в России Д. Бьюкенен, например, отмечал: «Львов, Керенский и Терещенко пришли к убеждению, что так как Совет — слишком могущественный фактор, чтобы его уничтожить или с ним не соглашаться, то единственное средство положить конец двоевластию — это образование коалиции» [32, с. 497]. Как справедливо заметил П. К. Башко, «в период мирного развития революции, характеризовавшегося наличием двоевластия, Советы сами являлись зародышем революционной власти, обладали реальной возможностью сосредоточить всю полноту власти в своих руках» [33, с. 219]. Отказываться от определения «двоевластие», характеризуя ситуацию в России и Беларуси в марте — июне 1917 г., все же нельзя.

На всем постсоветском пространстве стало модным представлять Октябрьскую революцию то «стихийным буйством толпы», то «заговором кровожадных большевиков». Не избежали подобной «моды» и некоторые белорусские историки, доказывая, что восстание 25 октября в Петрограде было воспринято в Беларуси и на Западном фронте как попытка большевиков захватить власть, что содержание и дальнейшее осуществление Декрета о мире не вызвало заметных позитивных изменений в настроениях местного населения и др. [34]. При этом утверждается, что большевики, якобы не пользовавшиеся поддержкой белорусского населения, реализовали свой тоталитарный потенциал в процессе исторического развития России [35]. Нужно отметить, что подобные оценки

стали естественной реакцией некоторых историков на прежнюю чрезмерную идеализацию Октябрьской революции, ярую апологетику большевизма. На таком фоне весьма доказательной и аргументированной выглядит точка зрения, согласно которой Октябрьская революция воплотила в себе попытку трудового народа вырваться из цепи политических и социально-экономических противоречий, обусловленных тогдашним уровнем рыночных отношений и усугубленных Первой мировой войной, обострившей до предела имевшиеся социальные и цивилизационные противоречия.

Данные тенденции в той или иной степени проявились в Беларуси, хотя региональные аспекты революционных процессов не являлись зеркальным отображением того, что происходило в российских столицах и центральных регионах России. Важно, что в ходе революционных событий происходило становление белорусской государственности. Вопросам ее создания посвящено немало работ. В монографии С. С. Рудовича сделана попытка проанализировать объективные и субъективные факторы, обусловившие ход национально-государствен-

ного строительства в Беларуси. Автор рассмотрел важные аспекты процесса самоопределения белорусского народа в контексте международных отношений, сложившихся на третьем году Первой мировой войны, выяснил место и роль «белорусского вопроса» среди других восточноевропейских проблем того времени [36].

Политические правовые, социально-экономические, культурные аспекты национально-государственного строительства в Беларуси, позиции политических партий по проектам государственного устройства, динамика идеологической борьбы по данной проблеме нашли отражение в работах И. М. Игнатенко, В. А. Круталевича, П. И. Бригадина, В. Ф. Ладысева, Р. П. Платонова, Н. С. Сташкевича, В. Е. Козлякова [37]. Авторы в той или иной степени показали, что в годы революции и Гражданской войны по вопросу национально-государственного строительства в Беларуси выявились две тенденции. *Первая* отражала потребность преодоления национальной отсталости, и как результат этого — создание белорусской государственности на советской основе. *Другая* выражала стремление определенной части интеллигенции к самоопределению белорусского народа в форме независимой республики на основе западной парламентской демократии, воспринимавшейся трудовым людом как попытка реставрации старого строя. Поэтому провозглашенная умеренными социалистами в марте 1918 г. Белорусская Народная Республика (БНР) не стала государственным образованием даже в марионеточной форме. Это была, скорее, декларация о намерениях. БНР так и не смогла осуществить свои провозглашенные представительские и полномочные функции. Хотя республика и провозглашалась в этнических границах проживания белорусов, свою юрисдикцию на этой территории она не осуществляла. Несмотря на то, что в лице Рады БНР и Народного секретариата были созданы определенные политические структуры, пытавшиеся выступать соответственно как законодательная и исполнительная власть, БНР не была признана германской оккупационной администрацией и не обладала реальными властными полномочиями. Отсутствовали судебная и финансовая система, местные органы управления, не было армии. Функции правительства БНР оказались урезанными. Акт самоопределения БНР не поддержало в основной массе население Беларуси.

Тем не менее провозглашение БНР было важным шагом в создании белорусской государственности, поскольку привлекало внимание общественности, в том числе и в Советской России, к белорусским проблемам. События развивались в силу многих объективных и субъективных обстоятельств, среди которых особую роль играли внутренние и внешние факторы, логика политической борьбы: в этом противостоянии белорусская государственность рождалась на советской основе. Именно БССР выполнила государственную, политическую и культурную роль объединения белорусской нации. Был

создан мощный экономический потенциал, произошли серьезные изменения в социальной сфере. Впервые были сформированы реально действовавший национальный аппарат государственной власти, государственная национальная система просвещения, образования и науки, профессионального искусства и культуры, массовая национальная пресса, созданы другие институты суверенного государства. Об этом убедительно сказано в коллективных трудах и энциклопедических изданиях, выпущенных в Беларуси недавно [38].

Но цена советских свершений оказалась весьма высокой: голод, холод, каторжный труд, миллионы загубленных жизней соотечественников. К сожалению, было время, когда многие трагические страницы советской истории просто замалчивались. Демократизация общества, открытие доступа ко многим документам дали возможность более объективно оценить события 20—30-х гг. XX в. В Беларуси появилось немало работ, в которых довольно подробно раскрыты деформации общественно-политической жизни в тот период, рассказано о политических репрессиях [39]. Хотя некоторые выводы не бесспорны, а порой излишне категоричны [40, с. 302—303]. Жесткое огосударствление всей экономической, социальной и духовной жизни, что было характерно для общества «государственного социализма», неизбеж-

но приводило к борьбе с любым инакомыслием, любым стремлением к демократии и свободе в СССР, в котором строительство нового общества шло среди капиталистического окружения. Это подталкивало советское руководство к жесткому укреплению власти, при которой всякие разговоры и даже мысли насчет демократии неизбежно рассматривались как «происки буржуазии». Не последнюю роль сыграли и российские традиции, связанные с устойчивым стремлением населения к персонификации власти, личности правителя. Нельзя не учитывать и внутривластную борьбу, которая разгорелась в 1920-е гг. между различными группировками как в центре, так и на местах, в национальных республиках. Отсутствие серьезной мотивации труда при упразднении частной собственности, усиление административно-командных методов в экономике привели к всеобщей уравниловке, ликвидации материальных стимулов у простых тружеников города и деревни. Материальные стимулы были хорошо развиты только в системе управленческих должностей (пресловутые «конверты», спецбуфеты, спецстоловые и другие привилегии). Вот почему борьба за должности в непроизводительной сфере усиливалась и обострялась. Таким способом стимулировались доносы среди партийно-государственного чиновничества. Не случайно те, кто активно участвовал в организации репрессий, вскоре становились их жертвами. Но понимание этих причин не является оправданием гибели ни в чем не повинных людей. Безусловно, репрессии 1930-х гг. — трагическая страница в общей истории народов бывшего СССР.

Сказанное выше можно вполне отнести и к тем преобразованиям, которые были призваны создать новое общество. В последнее время появилось немало работ, раскрывающих сложные процессы преобразований в белорусской деревне. Среди них особо следует выделить исследования А. Н. Сорокина [41]. Автору удалось раскрыть многогранный и противоречивый характер советской аграрной политики, организационного и правового механизмов ее реализации. Убедительно показано, что при наличии «перегибов» в официальных подходах к разрешению проблем деревни взаимоотношения сельчан и власти преимущественно базировались на их взаимопонимании. Несмотря на серьезные просчеты и трагические ошибки, допущенные коммунистическим руководством в ходе коллективизации и индустриализации, советским людям удалось создать огромный экономический, научный, технический и военный потенциал, превративший СССР в одну из сверхдержав мира.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием на мужество и стойкость всего советского народа. На всем постсоветском пространстве не единожды делались (и делаются) попытки принизить значение победы советского народа, переписать итоги войны, выставить фашистских прислужников «истинными борцами против сталинизма». Подавляющая часть белорусских историков не поддалась подобному синдрому. В свет вышло немало работ, в которых глубоко и всесторонне оценивается и осмысливается подвиг народа в войне. Особенно увеличился поток публикаций накануне 60-й годовщины Победы. Исключительно важное значение для патриотического воспитания молодежи имело введение в вузах и средних учебных заведениях спецкурса «Великая Отечественная война советского народа» (правда, непонятно решение об его изъятии с 2009 г. из учебных планов), а также издание ряда специальных работ, и прежде всего фундаментального труда «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» [42]. В данной работе на обширном документальном материале исследуются важнейшие события, которые происходили накануне и в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Историки сосредоточили внимание на малоизученных аспектах войны, прежде всего ее начального периода, трагические события которого всячески замалчивались. Весомый вклад в разработку этой проблематики внесли Р. П. Платонов, И. А. Басюк, коллектив авторов, подготовивший фундаментальный труд «На земле Беларуси: канун и начало войны» [43]. В этих работах на основе новых источников рассматриваются военно-политические события предвоенного периода, ход военных действий в начале войны на территории Беларуси, вскрыты причины неудачных действий советских войск.

Получила дальнейшую разработку и тема белорусского коллаборационизма: ее некоторым образом ускорили поверхностные и даже заведомо позиционирующие данную тему газетные публикации начала 1990-х гг. и якобы научные, а на самом деле панегирические издания, делавшие попытку реабилитации отдельных профашистских деятелей [44]. Как бы в ответ появились исследования сложной и острой проблемы, проведенные в работах А. К. Соловьева, А. А. Ковалени, А. М. Литвина, В. И. Кузьменко. Ими убедительно показано, что «Белорусская центральная рада», «Белорусская крайовая оборона», «Белорусская народная самопомощь», «Союз белорусской молодежи» создавались гитлеровцами в Беларуси во главе с активными фашистскими пособниками с целью содействовать становлению так называемого «нового порядка», осуществлению оккупантами политики геноцида населения на белорусской земле [45]. Преступная деятельность антисоветских вооруженных формирований, возникших еще во время войны, но развернувших свою активность уже после ее завершения, рассмотрена в работах Е. И. Семашко и И. А. Валахановича [46]. Однако военная проблематика по-прежнему не исчерпана. К сожалению, менее активно белорусские историки работают над послевоенной тематикой. А ведь вопросы возрождения Беларуси, сотрудничество с другими республиками, противоречивые тенденции, существовавшие в экономике, социальной сфере, культуре, весьма актуальны и ждут своих исследователей. Не менее важны для научного анализа и процессы, происходящие в Беларуси после распада СССР.

Даже столь общая оценка белорусской историографии позволяет сделать вывод о том, что историки существенно расширили свою источниковедческую базу, взялись за разработку новых сюжетов, ранее остававшихся в силу ряда причин вне их творческих интересов. И все же достигнутое в итоге «многообразие» на месте прежнего «единомыслия» вовсе не свидетельствует о существенном повышении научного уровня исследований. В ряде случаев отвергнутые марксистские схемы оказались заменены не менее идеологизированными, узконациональными, без учета процессов, происходивших в Европе и России, а методологическая база отдельных работ не выдерживает критики даже по критериям позитивистского понимания истории. На современное состояние

белорусской исторической науки значительно повлияло и ее прошлое «провинциальное» положение среди центров исторических исследований в СССР. Можно констатировать, что белорусская историография, как, впрочем, и историческая наука на всем постсоветском пространстве, переживает в своем развитии сложный и противоречивый период поиска эффективных путей к познанию исторической истины. Найти эти пути возможно в результате серьезного обновления методологического инструментария, освоения современных методов исторического исследования, более глубокого осмысления документов. Сделаны первые шаги в этом направлении. И даже вышли работы, посвященные актуальным вопросам методологии и теории исторической науки [47]. Есть надежда, что серьезные продвижения в методологии придадут новые импульсы для исторических исследований. Существующие тенденции в белорусской историографии дают основания для оптимизма. Однако окончательный вердикт вынесет сама история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сташкевіч, М. С.* Сучасныя даследаванні гісторыі Беларусі: стан, дасягненні і перспектывы / М. С. Сташкевіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф. Гродна, 3—4 мая 2002 г. У 4 ч. / пад рэд. І. П. Крэня, У. І. Навіцкага, І. А. Змітровіча. Гродна : ГрДУ, 2003. Ч. 1.
2. *Петрыков, П. Т.* Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов) / П. Т. Петрыков. Минск : Белорусская наука, 2007. 292 с.
3. *Біч, М. В.* Аб нацыянальнай кашышггы гісторыі гістарычнай адукаггыі ў Рэспубліцы Беларусь / М. В. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 15—24.
4. Заявление научного объединения «Исторические знания» // Народная газета. 1996. 16 авг.

5. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. / пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. Мінск : Універсітэцкае, 1998; *Ковкель, И. И.* История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Яр-мусик. Минск : Аверсэв, 1998. 591 с.; Гісторыя Беларусі: у 2 ч.: курс лекцый / П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладысеў, П. І. Зялінскі [і інш.]. Мінск : РІВШ БДУ, 2002; Гісторыя Беларусі ў кантэксте еўрапейскай цыготзацык дапаможнік / У. Я. Казлякоў, С. В. Марозава, У. А. Сосна і інш.; пад рэд. Л. В. Лойкі. Мінск : ТАА «ЦППР», 2003. 347 с.; Гісторыя Беларусі (у кантэксте сусветных цывілізацый): вучэб. дапаможнік / В. І. Галубовіч, З. В. Шыбека, Д. М. Чаркасаў [і інш.]; пад рэд. В. І. Галубовіча і Ю. М. Бо-хана. Мінск : Экаперспектыва, 2005. 589 с. и др.
6. История России. XX век: учеб. пособие / О. А. Яновский, С. В. Позняк, В. И. Меньковский [идр.]; под ред. В. И. Меньковского и О. А. Яновского. Минск : РИВШ, 2005. 704 с.; Всеобщая история России с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. проф. О. А. Яновского. М.: Эксмо, 2008. 592 с.
7. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 1993—2003; Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск : Экаперспектыва, 2000—2008. Т. 1—5; Республика Беларусь: энцикл.: в 6 т. / редкол.: Г. П. Пашков и др. Минск: БелЭн, 2005. Т. 1. 1040 с.
8. *Рассадин, С. Я.* Землі амаль невядомыя: Будучая Беларусь паводле антычных манускрыптаў / С. Я. Рассадзін. Мінск: Польша, 1996. 95 с.
9. *Рассадин, С. Е.* Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. Минск : Белорусский Экзархат, 2008.
10. *Ермаловіч, М.* Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяд / М. Ермаловіч. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990.

11. *Краўцэвіч, А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 1998. 206 с.; Гісторыя Беларусі у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экаперспектыва, 2000. Т. 1: Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. 328 с.
12. *Пилипенко, М. Ф.* Возникновение Белоруссии. Новая концепция / М. Ф. Пилипенко. Минск: Беларусь, 1991. 142 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М. : Наука, 1962.
14. Франциск Скорина и его время: Энцикл. справочник. Минск: Белорусская Советская Энцикл., 1990.
15. *Ермаловіч, М.* Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. Мінск: Беларусь, 1989. 94 с.; *Ерма-ловіч, М.* Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяд / М. Ермаловіч. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. 365 с.; *Ермаловіч, М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ерма-ловіч. Мінск : Беллітфонд, 2000. 435 с.
16. *Насевіч, В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы / В. Л. Насевіч. Мінск: Полымя, 1993.
17. Вялікае княства Літоўскае: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. 2-е выд. Мінск :БелЭн, 2007.
18. *Сагановіч, Т.* Невядомая вайна. 1654—1667 / Г. Сагановіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. 143 с.
19. Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1.
20. *Голенченко, Т. Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. / Г. Я. Голенченко. Минск : Наука и техника, 1989. 283 с.; *Мялешка, В. І.* Сялянскі рух (у другой трэці — канцы XVIII ст.) / В. І. Мялешка // Гісторыя сялянства Беларусі ў трох тамах. Мінск, 1997. Т. 1. С. 241—249; *Спірыдонаў, М. Ф.* Сялянства ў перыяд станаўлення паншчыны і прыгонніцтва (XIV— сярэдзіна XVII ст.) / М. Ф. Спірыдонаў // Гісторыя сялянства Беларусі. Т. 1. С. 47—95.
21. *Швед, В. В.* Паміж Польшчай і Расіяй. Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772— 1863 гг.) / В. В. Швед. Гродна : ГрДУ, 2001. 415 с.
22. *Трещенок, Я. И.* История Беларуси: учеб. пособие / Я. И. Трещенок. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. Ч. 1. Досоветский период; *Марзалюк, І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфе-сійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X—XVII ст.) / І. А. Марзалюк. Магілёў : МДУ імя А. А. Ку-ляшова, 2003.
23. *Грыгор'ева, В. В.* Канфесіі на Беларусі. Канец XVIII — XX ст. / В. В. Грыгор'ева, У. Ч. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. Мінск : Экаперспектыва, 1998. 337 с.; *Яноўская, В. В.* Хрысціянская царква ў Беларусі ў 1863—1914 гг. / В. В. Яноўская. Мінск : Экаперспектыва, 2002. 197 с.; *Блинова, Т. Б.* Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Б. Блинова. Гродно : ГрГУ, 2002. 427 с.

24. *Падокшын, С. А.* Унія. Дзяржаўнасць. Культура. (Філасофскі-гістарычны аналіз) / С. А. Па-докшын. Мінск : Беларуская навука, 1998.
25. *Марозава, С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596—1839 гг.) / С. В. Ма-розава. Гродна : ГрДУ, 2001. 352 с.
26. *Лыч, Л. М.* Гісторыя культуры Беларусі / Л. М. Лыч, У. І. Навіцкі. Мінск : Экаперспектыва, 1996. 453 с.
27. *Лыч, Л.* Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. 3-е выд., дап. Мінск : Соврем. школа, 2008.
28. *Сташкевіч, М. С.* Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX — люты 1917 г.) / М. С. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 3. С. 32—37, № 4. С. 29—34; *Сташкевіч, М. С.* Гістарычны выбар на пачатку XX стагоддзя / М. С. Сташкевіч // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мінск : Беларуская энц^гклапед^ія, 2000. С. 91 — 110.

29. *Бригадин, П. И.* Эсеры в Беларуси (конец XIX — февраль 1917) / П. И. Бригадин. Минск: Згода, 1994. 52 с.; *Забаўскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Бела-русі (1906—1917 гг.) / М. М. Забаўскі. Мінск : БДПУ, 1999. 212 с.; *Козляков, В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. — конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины) / В. Е. Козляков. Минск : БГТУ, 2001. 246 с.; *Смольянинов, М. М.* Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. Минск : Белорусская наука, 2008. 259 с.
30. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3 ч. / рук. авт. коллект.: Г. Г. Касаров, Н. С. Шашкевич; под ред. Э. М. Энтина. Гомель, 1993; Палітычныя партыі Беларусі: дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск : Згода, 1994. 262 с.; Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование / под ред. Э. М. Энтина. Москва; Минск; Гомель, 1996. 427 с.; Становление и крушение однопартийной системы в СССР / под общ. ред. Э. М. Энтина. Гомель, 1995. 506 с.
31. *Петриков, П. Т.* Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов) / П. Т. Петриков. Минск : Белорусская наука, 2007.
32. *Милюков, П. Н.* Воспоминания / П. Н. Милюков. М. : Политиздат, 1991.
33. *Башко, П. К.* Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март — октябрь 1917 г.) / П. К. Башко. Минск : Наука и техника, 1987.
34. *Сяменчык, М. Я.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастручніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.), у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. Ч. I: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. Мінск : БДПУ, 2001. 200 с.; Ч. II: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. Мінск : БДПУ, 2001. 160 с.; *Сяменчык, М. Я.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастручніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.): аўтарэф. ддыс. ... д-ра гіст. навук / М. Я. Сяменчык. Мінск : БДПУ, 2001; *Шыбека, З.* Нарысы гісторыі Беларусі (1795—2002) / З. Шыбека. Мінск : Энц^гклапед^ткс, 2003.
35. *Протьюко, Т. С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.) / Т. С. Протьюко. Минск : Тэсей, 2002. 687 с.
36. *Рудовіч, С.* Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. Мінск: Тэхналогія, 2001. 200 с.
37. *Игнатенко, И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Беларуси / И. М. Игнатенко. Минск : Наука и техника, 1992. 254 с.; *Шашкевич, Н. К.* вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Н. Шашкевич, Р. Платонов // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3 ч. Ч. 2: У истоков политического противостояния. Гомель, 1993. С. 91 — 192; *Круталевич, В. А.* История Беларуси: становление национальной государственности / В. А. Круталевич. Минск : Белорусская наука 1999; *Казлякоў, У. Я.* Рэвалюцыйны 1917 год: стварэнне беларускай дзяржаўнасці / У. Я. Казлякоў, М. С. Шашкевіч // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мінск : БелЭн., 2000. С. 111— 124; *Ладысеў, У. Ф.* Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. Мінск : БДУ, 2003. 307 с.
38. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мінск : БелЭн, 2000. 429 с.; Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. / редкол.: Г. П. Пашков и др. Минск : БелЭн, 2005. Т. 1. 1040 с.
39. *Касцюк, М. П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. Мінск : Экаперспектыва, 2000. 307 с.; *Вішнеўскі А. Ф.* Палітычна-прававы рэжым савецкай дзяржавы (1917—1953 гг.) /

40. *Касцюк, М. П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. Мінск : Экаперспектыва, 2000. 307 с.
41. *Сорокин, А. Н.* Искушение будущим и уроки прошлого. Белорусская деревня: от Декрета до Кодекса о земле (1917—1990-е годы) / А. Н. Сорокин. Минск: Право и экономика, 2008. 428 с.
42. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / А. А. Каваленя [и др.]. Минск: БЕЛТА, 2005. 540 с.; Беларусь непокоренная: воспоминания, документальные хроники партизанского движения и подпольной борьбы. 1941 — 1944. Минск: БЕЛТА, 2005. 391 с.; *Кузьменко, В. И.* В суровые сороковые. Интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) / В. И. Кузьменко. Минск: И-т истории НАН Беларуси, 2006. 260 с.; Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А. А. Каваленя, У. І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатовіч [і інш.]; пад рэд. А. А. Кавалені, М. С. Сташкевіча. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2004. 278 с.
43. *Платонов, Р. П.* Беларусь, 1941-й: Известное и неизвестное / Р. П. Платонов. Минск : БелНИИ-ИДАД, 2000. 208 с.; *Басюк, И. А.* Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі / И. А. Басюк. Гродна : ГрДу, 2003. 237 с.; На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / В. В. Абатуров [и др.], науч.ред. В. В. Абатуров. Минск : БЕЛТА, 2006. 571 с.
44. *Калубовіч, А.* Крокі гісторыі: Дасьледаваньні, артыкулы, успаміны / А. Калубовіч. Беласток; Вільня;Мінск: Наша ніва; Мастацкая літаратура, 1993. 283 с.; *Геніюш, Л.* Сповідзь / Л. Геніюш. Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. 269 с.; *Туронак, Ю. Б.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Б. Туронак. Мінск : Беларусь, 1993. 235 с.; *Туронак, Ю.* Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1939—1944) / Ю. Туронак. Мінск, 2002. 140 с.
45. *Соловьев, А. К.* Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / А. К. Соловьев. Минск : Наука и техника, 1995. 176 с.; *Літвін А.* Акупацыя Беларусі (1941—1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. 287 с.; *Кузьменко, В. И.* Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации 1941—1944 г. / В. И. Кузьменко. Минск: И-т истории НАН Беларуси, 2001. 199 с.; *Каваленя А. А.* Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. Вы-токі. Структура. Дзейнасць / А. А. Каваленя. Мінск, БДПУ, 1999. 235 с.
46. *Сямашка, Я. І.* Армія Краёва на Беларусі / Я. И. Сямашка. Мінск : Беларус. выд. таварыства «Хата», 1994. 269 с.; *Валаханович И. А.* Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944—1953 гг. / И. А. Валаханович. Минск : БГУ, 2002. 144 с.
47. Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и филос. специальностей / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 351 с.

SUMMARY

In clause some tendencies of a historiography of Belarus, shown in the postSoviet period reveal. The author allocates three directions, developed in a historical science of that time, characterizes essence of each of them. The most important results received by historians in researches of questions, concerning ethnogenesis Byelorussians, sources and becoming of the Belarus statehood, history of the Great principedom Lithuanian, the period of a finding of the Belarus grounds in structure of Rzecz Pospolita, Russian empire, formation of political parties, the reasons and value of October revolution, experience and lessons of the Soviet construction, Great Domestic war are noted. Some debatable problems of the Belarus history are analyzed, on some of them the author states the point of view. In clause the conclusion is done, that despite of significant updating and expansion of the documentary base, the reached variety in estimations

of the historical phenomena, essential increase of a level of research works has not occurred. The author connects ways of the further development of a historical science with necessity of serious updating methodological toolkit, development by historians of modern methods of research of past, deeper judgement of a documentary material.